

СОДЕРЖАНИЕ

Избранник Евы.	5
Лотерея	86
Объявление в газете	115
Позвони мне, позвони!	125
Зефир в шоколаде.	139
Ни сном ни духом.	159
Конкурс комплиментов	174
Переходный возраст.	194
Сарафанное радио	209

ИЗБРАННИК ЕВЫ

*Татьяне Луниной, чье обаяние
почти волшебное*

I

В Советском Союзе семидесятых годов двадцатого столетия новой эры я оказалась по двум причинам. Хотелось посмотреть на страну развитого социализма и пощеголять в мини-юбке. Если бы я прошла с голыми коленками по улице средневекового города, например во Франции, мужчины сошли бы с ума от вожделения, а женщины немедленно заклеямили бы меня ведьмой и отправили на костёр. Да что там Средние века! Неплохой писатель девятнадцатого века Виктор Гюго писал истеричные письма своей возлюбленной, обвинял ее в бесстыдстве только за то, что, переходя улицу, девушка приподняла юбку и посторонние мужчины увидели ее щиколотки.

Впрочем, стройные ножки не оставляли равнодушными мужчин во все века. Как и блюстителей

нравственности, которые почти сплошь старики, давно отгулявшие свою безнравственность.

— Срамотень! — перегородила мне дорогу нагруженная сумками тётка. — стыдоба! Чего юбку задрала? Задницу отморозишь! А сама белая, как первый снег!

Разве первый снег отличается по цвету от последующих? У русских особое цветовое зрение? И я, видимо, не подхожу под принятые стандарты красоты.

С грубиянами надо обращаться издевательски вежливо. Еще лучше — осадить их сотворением небольшого чуда. На глазах у тётки я стала на десять сантиметров выше и покрылась в ровный шоколадный цвет.

— Так вам больше нравится? — спросила я. — И спасибо за заботу, мне не холодно.

— Гэ-гэ-гэ, бэ-бэ-бэ... — Она вытаращилась и принялась перечислять согласные буквы алфавита.

— Или так лучше? — Я осветлила загар.

— Тэ-тэ-тэ...

— Сейчас вы уроните авоську, — предупредила я.

Реакция старой моралистки никуда не годилась.

Сумка упала, и ее содержимое: туалетная бумага и яйца — вывалилось на землю. О чудесах было мгновенно забыто. Проклиная меня, срам-

ную моду, очереди, дефицит, потребность питаться и справлять естественные нужды, тётка принялась очищать рулоны от белка и желтка.

«Народ, которому туалетная бумага дороже чудес, непобедим, — пришло мне на ум. — Надо подсказать эту мысль какому-нибудь политическому деятелю».

Мой путь лежал на стадион, хотела посмотреть игру под названием футбол. Во времена моих родителей, как и в средневековой Франции, где я хотела поселиться, футбола еще не было. Транзитная остановка неожиданно затянулась на годы. Но обо всем по порядку.

Происходившее на поле мне быстро наскучило. Во-первых, болельщики, судя по их воплям, гораздо лучше разбирались в игре, чем футболисты и арбитры. Во-вторых, выигрывала команда, носящая имя римского раба Спартака. А он мне никогда не нравился. Самые свирепые и кровожадные лидеры получают именно из бывших рабов. В-третьих, спортсмены были одеты! В нелепые шорты, майки, гольфы до колена. Я родилась и выросла в Древней Греции, и хотя меня можно смело считать современницей всех веков и племён, традиции Эллады я люблю особо. Да и каждому человеку представляется, что яблоки на его родине слаще, народ красивее, обычаи правильнее, солнце ярче, а птицы голосистее. У нас на Олимпийских играх атлеты

выступали обнажёнными, полностью нагими или в набедренных повязках. Это давало возможность не только болеть за результаты состязания, но и насладиться красотой юношеского тела. Какой смысл в победах, если нет никакой эстетики, если ты не можешь восхититься самым совершенным творением природы — человеческим телом?

Заскучав, я принялась рассматривать противоположные трибуны. Сидевшие за многие десятки метров от меня люди, конечно, и предположить не могли, что симпатичная девушка видит их как в телевизоре крупным планом. В потоке лиц, гневных и весёлых, кричащих и топающих ногами, самым забавным был дядька, судорожно, по-беличьей грызущий ногти на пальцах. Такая же привычка была у правителя Лесбоса. А что еще ему оставалось, когда на острове поселились подружки Сафо?

Рядом с грызуном сидел парень, чей облик показался мне странно знакомым. Молодого человека я определённо никогда не видела, но словно знала всю жизнь. Он не похож ни на кого из моих родных, но почему-то роднее всех их, вместе взятых. Избранник?

Перспектива быстро найти Избранника меня не радовала. Я хотела бы погулять несколько лет — попутешествовать по странам и временам, познакомиться с великими художниками и поэ-

тами, перекинуться словом с философами, подсказать им пару-тройку идей, а потом, через столетия, увидеть эти идеи в академических учебниках. Но весь второй тайм я наблюдала за молодым человеком, не могла отвести взгляда и поймала себя на желании видеть это лицо круглосуточно, с перерывами на короткий сон. Да и пусть бы он мне снился — не откажусь.

После игры я едва не потеряла молодого человека в толпе, которая двигалась к метро. Отыскала его затылок, как привязанная взглядом, медленно тащилась в потоке и всё терзалась: неужели Избранник?

В девичьих мечтах Избранник представлялся совершенно иным. Высоким, стройным, белокурым, белозубым, философом-поэтом с тонкими длинными пальцами. А москвич, за которым я плелась, следила в метро, был кряжистым брюнетом. И хорошая подача с углового его интересовала больше, чем законы диалектики.

Мы подходили к дому. Пора знакомиться. Сомневаюсь, что он разгадал бы тайный смысл уроненного мной платка. Пришлось действовать примитивно, жертвовать собственным телом. Метод, проверенный веками.

Я обогнала молодого человека. Первой вошла в подъезд, стала подниматься по лестнице и... оступилась. Не подхвати меня вовремя Избранник, я бы лихо пересчитала спиной ступеньки.

— Простите! Спасибо! — поблагодарила я, освобождаясь от его рук, и тут же взвизгнула от боли. — Ай! Не могу на ногу ступить!

— Вывих, наверное. Ничего, обопритесь на меня.

— Пожалуйста, если вам не трудно, помогите добраться до пятой квартиры, там живёт моя тётушка.

Я положила руку ему на плечо, он обнял меня за талию. Изображать воздушное создание и прыгать на одной ноге — задача не из лёгких.

— Уж не обессудьте. — Он взял меня на руки.

— Господи, как неловко! — почти искренне смутилась я.

К сожалению, впереди было два этажа, а не десять. Я уменьшила свой вес на пятнадцать килограммов, чтобы Избранник не утомился, и заглянула в его мысли.

«Лёгкая как пёрышко, — думал он. — Почему я не живу в небоскрёбе?»

Ход мыслей меня вполне устраивал. В своё оправдание скажу, что более я никогда не копалась в его голове. Бессмысленно, глупо и непорядочно подслушивать мысли дорогих тебе людей. Жизнь теряет свежесть красок и радость открытий. И даже горечь ссор и размолвок, настойчиво внушала мне мама, должна быть эмоционально острой и свежей. Выльешь на голову ведро холодной воды — взбодрись. Станешь

лить по стакану на макушку — замёрзнешь, простудишься.

Моя пра-пра-пра... бабушка паслась в мыслях своего Избранника постоянно, дневала и ночевала, а кончилось всё плачевно. Той пра-пра-пра... жутко не повезло: Избранника нашла среди алеутов на просторах вечной мерзлоты. А что делать? Избранника в лучшие времена и тёплые края не перетащишь. Пра-пра-пра... дедуля ко всему прочему был страстным любителем женского пола. Алеутки в детородное состояние впадали только коротким летом (вроде собак с течкой), дедуля носился по стойбищам и оплодотворял женщин Крайнего Севера. В мозгу его, к ужасу бабушки, клокотала только одна мысль про это самое оплодотворение. Бабушка стала тайком продавать белым старателям песцовые шкуры за огненную воду, превратилась в алкоголичку, спилась и погибла — замёрзла, не дойдя три шага до чума. Так что лучше оставить мужские мысли в тайне и не портить себе жизнь!

У дверей пятой квартиры, возвращённая на одну ногу, я стала благодарить и прощаться:

— Спасибо большое! Теперь всё в порядке, мне тётушка поможет. До свидания!

— Вы позвоните. — Молодой человек не торопился уходить.

На звонок никто не ответил, и я вполне естественно испуганно и растерянно округлила глаза.

— Не волнуйтесь, — подбадривающе улыбнулся почти-Избранник. — Сейчас мы у Елены Петровны всё узнаем. — И постучал в соседнюю дверь.

Ах, какая у него улыбка! Хорошо бы увидеть такую улыбку на лицах своих детей...

Каких детей? Что в голову лезет? Мне неделю назад исполнился двадцать один год! Рано о детях думать! Или пора? Как же мечты о путешествиях, полётах во времени? Дёрнула меня нелёгкая! Футбола захотелось! Юбки революционной! Встретился на пути! Улыбается! А у меня дыхание останавливается...

Реакцию на его улыбку — панический испуг — молодой человек принял за мое естественное беспокойство о покалеченном теле и неясном будущем. Еще раз призвал меня не волноваться. Если бы он не улыбался, я бы не нервничала!

Дверь открыла немолодая женщина с лихо повязанным на голове платком. Так, закрывая лоб и макушку, с узлом на затылке носили козынки пираты. Молодой человек поздоровался с «пираткой» и спросил, не знает ли она, где моя тётушка.

— Два дня назад в Сочи укатила.

— Ой! — пискнула я. — А как же телеграмма? — И внимательно посмотрела на Елену Петровну, чтобы она вспомнила о несуществующей телеграмме.

— Утром принесли, — подтвердила соседка. — Это ты племянница из Киева? Имя еще какое-то чудное.

— Ева, — представилась я.

Имя совершенно простое, можно сказать, первое из женских имён, вызвало у молодого человека поразительную реакцию. И в голову ему не нужно было заглядывать, по глазам было видно — он представил меня без одежды, в чем мама родила. И остался доволен увиденным. Спасибо тётке-моралистке с яйцами и туалетной бумагой, благодаря которой я подогнала свое тело под московские стандарты.

— Паспорт есть? И где твой багаж? Почему на одной ноге стоишь? — сыпала вопросами Елена Петровна.

У меня не было даже дамской сумочки. И, естественно, я не собиралась, обзаведясь чемоданом, носиться по Москве эпохи развитого социализма за Избранником.

— Багаж на вокзале. Сумочку с паспортом в метро срезали, только ручки остались. А еще... вот... ногу сломала... — Я выразительно потянула носом набежавшие слезы. — Как всё ужасно! И тётя уехала!

Колченогая, обворованная, вот-вот готовая разрыдаться, несчастная по всем статьям (одновременно беспомощно прекрасная), я вызвала мощный всплеск жалости и сострадания. Расчёт